

▼ Память хранит

Евгения ЕВАНГУЛОВА.

Крестный путь

(Продолжение. Начало в №6 от 16.02.2017 г.)

Следом – счастливейшее детство и отрочество двух братьев с сестрёнкой, сызмальства проказивших, по словам бабушки, порой чрезмерно, но вперемежку с запойным чтением, рисованием, музыкой и прочими занятиями. Павлуша к юношескому возрасту обучился игре на скрипке и на рояле. Серёжа талантливо лепил и рисовал. Времяпрепровождение в компании родных и приятелей было, по-видимому, лучезарным и беспечным: с неистощимыми выдумками, шарадами, ряжением, дурачествами, домашними концертами, спортом и так далее.

Интересно, что бабушка, отведав своего старшего сына в первый класс Санкт-Петербургского 2-го Реального училища, тут же материнским сердцем «нащупала» ему верного друга, остановив взгляд на черноволосом близоруким мальчишке. Это был Коля Колосовский. (Колосовский Николай Николаевич (1891-1954), советский экономико-географ. В 1909 окончил Петербургское Реальное училище. В 1917 окончил Петроградский Институт Путей сообщения. С 1920-х годов жил в Москве, в одной квартире с П.П.Евангуловым. Доктор географических наук, профессор (1935). С 1940-х годов преподаватель и научный деятель Московского университета. Умер от сердечного приступа в метро по дороге в университет). Николай Николаевич Колосовский до конца папиных дней оставался его первейшим другом – погружённый в науку, добрый и славный российский интеллигент.

Передам слово двоюродной сестре папы, Е.Г. Конопляковой:

«Мои воспоминания относятся к 1909 году, мне было восемь лет. Жили мы в большой семье на Чернышёвом переулке, дом 20, в дедушкиной квартире. Павлуша временно тоже жил с нами, кончая Реальное училище...»

Мы, дети, с точки зрения духовного развития, в большой степени были предоставлены самим себе.

И здесь Павлуша оказал на нас неоценимое влияние, например, по выбору надлежащих книг для чтения. Для меня было откровением, что я могу, хоть и робея, поощряемая им, поделиться своими мыслями. Я на всю жизнь осталась благодарной Павлуше за то, что он как бы дал золотой ключик в тот храм, в то божественное царство книг, в тот великолепный мир красоты, мечтаний, фантазий. Может быть, не всем понятно, до чего это дорого! Я просто с восторгом смотрела на Павлушу, на его доброе любознательное лицо, на его милую улыбку. А как любила я его смех! Он так заразительно смеялся.

Помню, потом со своим приятелем Колей Колосовским они держали экзамены: Павлуша в Горный институт, а Коля – в Путьский. Экзамены были очень трудные, конкурс огромный, а принимали тогда по знаниям, не глядя, чей ты сын – кухаркин или графа.

Экзамены были сданы обоими блестяще, и Павлуша и Колосовский были приняты. Я отлично помню, как в первый раз Павлуша пришёл в студенческой форме, очень красивой – с эполетами, вензелями и проч. Павлуша был такой интересный, я не могла налюбоваться им. Павлуша недолго жил на Чернышёвом, он ушёл жить к своему дяде Калистратову А.Е.»

В 1909 году отец стал студентом Петербургского Горного института Императрицы Екатерины II. Впоследствии он вспоминал, что в ряду прочих представителей молодого поколения начала века отлично понимал, как остро нуждаются в технических специалистах промышленность и наука Отечества, начавшие своё кипучее развитие с конца XIX века. Особенно это касалось освоения и разработки несметных подземных богатств матушки России. Если бы это студенчество могло заглянуть в близкое грядущее! Оно узнало бы, как эта потребность в «спецах» – термин 1920-х годов, в многократной степени возросла при восстановлении хозяйства страны, разгромленного войной 1914 года и, главное, катастрофическими междоусобными боями и невосполнимыми потерями среди интеллигенции, вызванными большевистским «красным террором».

Павел писал своему закадычному другу Колосовскому с практики в 1913 году из Бодайбо («Ленское золотое товарищество»); несколько позже, но до 1914 года – из Рыбинска, и в 1916-17 годах – из Петрограда. Три письма попали ко мне в 1960-х годах от сестры Николая Николаевича, Веры Колосовской-Лагутиной.

«Бодайбо, 24 июня 1913 года.

Дорогой дружище!

Получил твоё письмо, радовался и смеялся, как в старину... Ты мне, старый идиот, очень дорог, и представление о всём прекрасном в детстве

неразрывно связано с тобой. Пускай мы сами делаемся толстокожими, а нежными и чувствительными только с особами в юбках, сохраним только нашу отличную дружбу...»

Приступим к жизнеописанию... Кажется, не писал, как я теперь окончательно устроился? Живу с коллегой. Этот занят всёцело будущей карьерой и, к великому моему облегчению, замкнут. Живу шикарно, по-инженерски. Нам «дадена» квартира (отдельный домик) в три комнаты с удобствами, с прислугой и с мужчиной, посещающим по ночам прислугу и пожирающим немилосердно наши продовольственные запасы... Моя комната огромна, чиста и крайне уютна благодаря отсутствию надоевшей холодной вертикальности стен, горизонтальности полов, симметрии окон. Особенно мило сейчас: на дворе дождице, деревья шумят, тревожатся, а у меня горит электричество, всё чисто, на столе подозрительно аккуратно разложены книги, и постель удивительно уютна и притягательна. Что меня радует – это стиль, понимаешь, во всём. Я имею великолепное дело. Разведываю далёкий участок бурами Кестона. Это миль сто от места, где я живу...» (Конец письма утерян – Е.Е.).

Второе письмо из Рыбинска без начала:

«...Магазины паршивые, за исключением съедобных – они жирные и обильные, и их люди – в тон мишуры вывесок. Чувствуется, что они довольны собой и, приветливо мигая, лениво произносят: «Па-ажалтсь», причём, «а» почти поётся. Впрочем, здесь это единственный случай, когда «а» используется постоянно; явное и безусловное предпочтение отдаётся величественному «о», здесь говорят: «болван» и «самовоар». Самая нежная и синеглазая девушка способна пугать возможностью робкого лепета – «я твоя наовеки»... Но в надежде, что в Питере отужошат и накрахмалят, резвлюсь с беззаботностью козлика.

Будет с тебя, что ты поделываешь, сообщи-ка скорее, свинья этакая!

Пришло семейные портреты – Павлуша «исследует», Серёжа занимается, Маруся, наконец, учится. Твой Павлуша».

Из документов с громоздким названием «Личный листок по учёту кадров» следует, что отец, параллельно со штудированием наук в институте, с 1913 года работал практиком в городе Бодайбо на реке Лене, а с 1914 года и после института – в Акционерном обществе Кузнецких Каменноугольных Копей.

Документ, выданный папе 9 сентября 1918 года Правлением этого АО, удостоверяет, что

«П.П. Евангулов поступил на службу О-ва в мае 1914 года и был командирован на Кемеровский рудник Кузнецкого уезда Томской губернии, где самостоятельно проектировал и руководил работами по углублению и бетонированию Центральной шахты Кемеровского рудника.

Затем П.П. Евангулов был переведён в Правление О-ва в Петрограде, и на него возложена ответственная обязанность по заведованию Техническим отделом О-ва и редактированию проектных и строительных чертежей коксовых печей и бензолного завода. Ему также поручено ведение Отдела по даче заказов, необходимых для предполагаемой постройки металлургического завода.

П.П. Евангулов и поныне состоит при Правлении О-ва, исполняя добросовестно и с полным знанием дела возложенные на него обязанности».

Однако к этому времени уже бодрыми темпами набирали силу постреволюционная разруха и неразбериха. Начались крушение и развал многочисленных организаций. Поэтому «господину П.П. Евангулову» восьмью днями позже тем же АО было направлено вежливое письмо, напечатанное пока ещё на шикарной (не снящейся нам даже теперь) мелованной бумаге фирменного бланка:

«Милостивый государь Павел Павлович!

Вследствие сокращения нашего О-ва, Правление, к сожалению, вынуждено отказаться от Ваших услуг с 1 декабря с.г. [...] При этом Правление считает необходимым предупредить Вас, что как только восстановятся нормальные условия деятельности О-ва, оно не преминет вновь воспользоваться Вашими услугами».

Увы, работа этого Общества так и не возобновилась. В конце 1916 года отец отправил своему другу Колосовскому письмо:

«13 октября.

Дорогой Коля!

Я получил открытку от папы и теперь убедился,

что писать тебе можно по прежнему адресу. Сегодня тот самый петроградский день, который способен смыть все представления о времени, и мне необычайно остро вспомнились сотни таких дней, проведённых нами с тобой в толках о скуке, серости и прочее. Нельзя сказать, чтобы теперь было скучно, но, пожалуй, такое веселье послать к чёрту неплохо! Мы так давно с тобой не встречались и столько нового натворилось, что почти невозможно начать беседу. Одно я знаю – твои мысли о событиях идут параллельно моим и, вероятно, мы поняли бы друг друга с полуслова. Принимая во внимание долгое путешествие газет, я не прочь был бы писать тебе о самом приметном и интересном... Любопытно вот что. Всякие левые «деятели», не очень тугоголовые, самой жизнью были налажены на весьма умеренный лад. Встретившись в «палате» с кадетами и вообще с «учёными», они вдруг забыли весь свой опыт и заскочили на обычную колено: заболтали! Выходит так: решительно нет никакой разницы, начиная от большевика и кончая трудовиком. Надо искать причинности «левизны» не идейных, а чисто физических. Вся страна сейчас развинулена, смущена, разорена, и никакие силы её не спасут. Остаётся с любопытством смотреть, что дальше будет...»

Теперь вот о чём. Не можешь ли ты вырваться из своей ссылки? Не амнистировали ли тебя вместе с уголовниками? По-моему, пора бы тебе перебраться сюда поближе. Хлопочи-ка о Петрограде! Вот бы пожили вместе-то!».

Только теперь мы понимаем, как многие пока ещё счастливые и беспечные юноши, свидетели трагических дней, слабо представляли, чем чревато их «любопытство».

А между тем – гром грянул, но русский мужик на этот раз перекреститься не успел!

Речь идёт, естественно, о политическом перевороте, содеянном группой большевиков в октябре 1917 года и сотрясшем всю Российскую империю.

Лучше всего об этом сказал сам вождь «руководящей группы» Ульянов (Ленин) в своём выступлении 14 октября 1921 – «К 4-летней годовщине Октябрьской революции»: (В.И. Ленин. О Великой Октябрьской социалистической революции. – М., 1957. С.334.)

«Пусть псы и свиньи умирающей буржуазии и плетущейся за нею мелкобуржуазной демократии осыпают нас кучами проклятий, ругательств, насмешек за неудачи и ошибки в постройке нами советского строя...»

За какие-нибудь десять недель, начиная от 25 октября (7 ноября) 1917 года, до разгона учредилки (5 января 1918 года) мы сделали в этой области в тысячу раз больше, чем за восемь месяцев своей власти сделали буржуазные демократы, и либералы (кадеты), и мелкобуржуазные демократы (меньшевики и эсеры)... Мы выкинули всю монархическую нечисть, как никто, как никогда, мы не оставили камня на камне, кирпича на кирпиче в вековом здании сословности!».

Трагичность состоит в том, что вплоть до наших дней, до конца 90-х годов, всё ещё нет скрупулёзно изложенной истории и детального анализа эпохального и, надо думать, неповторимого периода в жизни Российского государства. Если и попадали в руки нелегальные краткие заметки, отрывки или дневники очевидцев, напечатанные в первый год-два после катаклизма и надёжно затем запрятанные в «Спецхранах СССР», либо изданные только за границей, в России они были практически никому недоступны.

Но и мы, наконец, смогли ознакомиться с литературой – то талантливо, то гениально, а то и непрофессионально, но всегда страстно и искренне поведавшей нам, потомкам, пером свидетелей о гибели России в 1917 году. Это и «Окаянные дни» И.А. Бунина, это и «Дни» В.В. Шульгина, и «Дневники моих встреч. Цикл трагедий» Ю. Анненкова. Впрочем, всего не перечислять, хотя не могу не остановиться на небольшом формате книжечке «Забывтые» (Душкин В. Забывтые. – Париж: – IMCA-PRESS, 1983. – 148 с.), представляющей собой записки недоучившегося студента, юного участника Добровольческой армии, отступавшей в 1921 году под натиском красных через Симферополь по Чёрному морю для расселения в братской стране – Болгарии. С воспоминаниями этими меня познакомила моя троюродная племянница, внучка Г.К. Маковского, Н.О. Душкина, приходящаяся их автору внучатой племянницей.

(Продолжение в следующем номере.)